

СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 5

ЯЗЫКОЗНАНИЕ XIX-XX ВЕКОВ

(Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра. Социологическое направление. Структурализм в языкознании. Знаковая теория языка)

Основные положения и вопросы темы:

Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра. Важнейшие антиномии концепции Ф. де Соссюра: язык и речь, синхрония и диахрония, внешняя и внутренняя лингвистика. Обоснование им системного характера языка. Два типа отношений между элементами языковой системы – синтагматические и ассоциативные. Учение о языке как системе знаков. Характерные признаки языкового знака по Соссюру. Дальнейшее развитие идей Ф. де Соссюра в современном языкознании.

Социологическое направление в языкознании. Ф. де Соссюр и А. Мейе как основатели социологического направления в языкознании. Соединение принципов сравнительно-исторического исследования с социологией языка в работах А. Мейе и Ж. Вандриеса. Мейе о трех факторах языковых изменений, обусловленных социальным употреблением языка. Вандриес о дифференциации и унификации как двух противоположных тенденциях, определяющих развитие языка. Дальнейшее развитие социологического направления в современной социолингвистике.

Структурализм в языкознании. Предпосылки возникновения структурализма. Идеи структурной лингвистики в трудах Ф. де Соссюра, Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова и других лингвистов. Несколько этапов развития структурализма в языкознании. Основные тезисы концептуальной платформы структурализма. Пражская лингвистическая школа, или функциональная лингвистика. Создание Н. С. Трубецким фонологии как научной дисциплины в его работе “Основы фонологии”. Принципы структурного и функционального подходов в грамматике. Вопросы типологии языков и проблема языковых союзов. Учение пражских языковедов о литературном языке и функциональных стилях, культуре речи. Датский структурализм, или глоссематика. Принцип “формы”, “чистой схемы” в структурном построении языка у глоссематиков. Язык как одна из семиотических систем. Процедура лингвистического анализа по Л. Ельмслеву. Фигуры и функции. Предельная формализация языка у глоссематиков как начало математической лингвистики. Американский структурализм, или дескриптивная лингвистика. Ф. Боас, Э. Сепир, Л. Блумфилд как основатели дескриптивной лингвистики. Формальные методы изучения языка в дескриптивной лингвистике. Трансформационная грамматика как разновидность американского структурализма. Структурализм в языкознании как отражение общих закономерностей развития научной мысли середины и конца XX века.

Знаковая теория языка. Проблема знаковой природы языка в современной лингвистике. Семиотика как наука. Ч. Пирс как создатель

семиотики. Понятие о знаке. Внешние и внутренние свойства знака. Классификация знаков. Понятие о знаковой системе. Семиотические системы: детерминированные и вероятностные, многомерные и одномерные, динамические и статические. Специфика языка как знаковой системы.

Вопросы для обсуждения:

1. Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра.
2. Социологическое направление в языкознании.
3. Структурализм в языкознании.
4. Пражская лингвистическая школа.
5. Датский структурализм, или глоссематика.
6. Дескриптивная лингвистика в США, или американский структурализм.
7. Знаковая теория языка.

Персоналии:

Фердинанд де Соссюр (1857-1913) – один из выдающихся лингвистов XX в. Он родился в Женеве, в семье ученых. В 1875 г. Соссюр начал заниматься в Женевском университете, а с 1876 г. учился в Лейпциге, где слушал лекции Лескина, Бругмана, Остгофа. В 1879 г. он напечатал известную книгу “Трактат о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках”. В 1878-1879 гг. Соссюр обучается в Берлинском университете. В конце 1879 г. он вернулся в Лейпциг и в феврале 1880 г. защитил докторскую диссертацию “Родительный абсолютный в санскрите”. В последующие годы Соссюр читает лекции в Париже, где у него учится А. Мейе. В 1891 г. Соссюр возвращается в Женевский университет, где затем становится профессором санскрита и сравнительной грамматики индоевропейских языков. В 1906 г. Соссюр получил кафедру общего языкознания. В 1906-1911 гг. читает курс общего языкознания, который слушают Ш. Балли и А. Сеше. После смерти Соссюра Ш. Балли и А. Сеше издали по своим записям материалы его лекций под названием “Курс общей лингвистики” (1916). Эта книга получила мировую известность своей оригинальной концепцией и оказала большое влияние на становление разнообразных направлений лингвистики XX века.

Антуан Мейе (1866-1936) – французский языковед, один из основателей социологического направления в языкознании. В истории языкознания больше известен как блестящий компаративист, а не теоретик языка. Наибольшую известность получила его книга “Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков”. Во многих работах Мейе стремится найти социологическое истолкование многим явлениям языка. Занимался изучением славянских языков. Известной работой в этой области является “Общеславянский язык”. Мейе организовал в Париже Институт славяноведения и был редактором его печатного органа “Славянское обозрение”. С 1906 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.

Жозеф Вандриес (1875-1960) – французский языковед, профессор индоевропейского языкознания, представитель социологического направления. В его работе “Язык. Лингвистическое введение в историю” наиболее полно изложена система взглядов французской социологической школы на важнейшие проблемы языкознания.

Шарль Балли (1865-1947), **Альбер Сеше** (1870-1956), **Эмиль Бенвенист** (1902-1977) – представители французской социологической школы.

Вилем Матезиус (1882-1945), **Богуслав Гавранек** (1893-1978), **Богумил Трнка** (1895-1984), **Сергей Осипович Карцевский** (1884-1955), **Роман Осипович Якобсон** (1896-1982) – представители пражского структурализма.

Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938) – ярчайший представитель Пражской лингвистической школы, автор работы “Основы фонологии”.

Виго Брэндалл (1887-1942), **Ханс Ульдалл** (1907-1957) – виднейшие представители датского структурализма.

Луи Ельмслев (1899-1965) – главный теоретик датского структурализма. Основные взгляды датской школы структурализма изложены в его работах “Принципы всеобщей грамматики”, “Прологомены к теории языка”, “Метод структурного анализа в лингвистике”.

Франц Боас (1858-1942) – основатель формального направления в американском структурализме. Исследовал языки американских индейцев. Основная работа – “Руководство по языкам американских индейцев”.

Леонард Блумфилд (1887-1949) – основоположник дескриптивной лингвистики в американском языкознании. Важнейшая работа – “Язык”. В истории американского языкознания XX века эта книга занимает место, аналогичное “Курсу общей лингвистики” Ф. де Соссюра в истории европейского языкознания.

Бернард Блок (1907-1965), **Джордж Трейгер** (род. в 1906), **Зеллиг Харрис** (род. в 1909) – последователи Блумфилда, известные как Йельская школа структурализма. Развивали формальные методы исследования языка.

Наум Хомский (род. в 1928) – один из основателей школы трансформационного анализа в американском структурализме, представитель американской психолингвистики, автор генеративной грамматики.

Эдуард Сепир (1884-1939) – основатель этнолингвистики как одного из течений американского структурализма. В своей книге “Язык” Сепир видит сущность языка в его связях с культурой общества, историей, которые определяют и внутреннюю природу языка, и его специфику у каждого этноса.

Юджин Найда (род. в 1914), **Кеннет Пайк** (род. в 1912) – представители Энн-Арборской группы американской этнолингвистики.

Чарльз Сандерс Пирс (1839-1914) – американский философ, основатель семиотики как науки.

Чарльз Уильям Моррис (род. в 1901) – американский философ, развивал семиотические идеи Пирса.

Вопросы и задания для контроля и самопроверки:

1. Как рассматривал проблему соотношения языка и речи Ф. де Соссюр?
2. Чем различаются синхроническая и диахроническая, внешняя и внутренняя лингвистики?
3. Как Ф. де Соссюр обосновывал системный и знаковый характер языка?
4. Расскажите о развитии идей Ф. де Соссюра в современном языкознании.
5. Назовите представителей социологического направления в языкознании.
6. Какие факторы языковых изменений выделяет А. Мейе?
7. Как понимал дифференциацию и унификацию Ж. Вандриес?
8. Назовите основные тезисы, которые образуют основу концептуальную платформу структурализма.
9. Назовите представителей Пражской лингвистической школы.
10. Какие вопросы языка разрабатывала Пражская школа структурализма?
11. Перечислите основные положения теории глоссематики.
12. Какие фундаментальные проблемы языка рассматриваются в трудах представителей американского структурализма?
13. Работы каких лингвистов оказали большое влияние на формирование знаковой теории языка, на развитие семиотики как науки?
14. Как рассматривается знак в синтактике, семантике, прагматике, сигматике?
15. Дайте определение знака, назовите внешние и внутренние свойства знака.
16. Приведите типологию знаковых систем.
17. Какими специфическими семиотическими свойствами обладает язык как знаковая система?
18. Какие типы знаков традиционно выделяются в языке?

Темы рефератов:

1. Лингвистические взгляды А. Мейе.
2. Лингвистические взгляды Ж. Вандриеса.
3. Лингвистические взгляды Л. Блумфилда.
4. Лингвистические взгляды Л.В. Щербы.
5. Лингвистические взгляды Р.О. Якобсона.
6. Н. С. Трубецкой “Основы фонологии” (обзор книги).
7. Процедура лингвистического анализа (по Л. Ельмслеву).
8. Йельская школа языкознания (Зелиг Харрис, Бернард Блок, Джордж Леонард Трейджер).
9. Развитие семиотики как науки.
10. Типология языков и лингвистика универсалий.

11. Семиотика и культура.

Литература:

1. Амирова Т.А. и др. История языкознания. М., 2003.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стереотип. М., 2001.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. 2-е изд., стереотип. М., 2002.
5. Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1984.
6. Блумфилд Л. Язык. 2-е изд., стереотип. М., 2002.
7. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М., 1987.
8. Будагов Р.А. Портреты языковедов XIX-XX веков. Из истории лингвистических учений. М., 1988.
9. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. 3-е изд., стереотип. М., 2004.
10. Гируцкий А.А. Общее языкознание. 3-е изд., стереотип. Минск, 2003.
11. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. 2-е изд. М., 2002.
12. Гречко В.А. Теория языкознания. М., 2003.
13. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
14. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.1. М., 1964, ч. 11. М., 1965.
15. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. 2-е изд., стереотип. М., 2000.
16. Мартынов В.В. Кибернетика, семиотика, лингвистика. Минск, 1966.
17. Мейе А. Общеславянский язык. 2-е изд. М., 2000.
18. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
19. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 1994.
20. Панов Б.И. Знаки. Символы. Языки. М., 1980.
21. Плотицкий Б.А. Семиотика текста: Параграфемика. Минск, 1992.
22. Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999.
23. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. 2-е изд. М., 2001.
24. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. 2-е изд., стереотип. М., 2004.
25. Соссюр де Ф. Заметки по общей лингвистике 2-е изд. М., 2000.
26. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
27. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
28. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.
29. Хомский Н. Логические основы лингвистической теории. Биробиджан, 2000.

30. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стереотип. М., 2004..
31. Якобсон Р.О. Избранные работы. М., 1985.

ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

ТЕКСТ 1. Ф. ДЕ СОССЮР. КУРС ОБЩЕЙ ЛИНГВИСТИКИ

Природа языкового знака

§ 1. Знак, означаемое, означающее

Многие полагают, что язык есть по существу номенклатура, то есть перечень названий, соответствующих каждое одной определенной вещи...

Такое представление может быть подвергнуто критике во многих отношениях. Оно предполагает наличие уже готовых понятий, предшествующих словам; оно ничего не говорит о том, какова природа названия – звуковая или психическая, ибо слово... может рассматриваться и под тем и под другим углом зрения; наконец, оно позволяет думать, что связь, соединяющая название с вещью, есть нечто совершенно простое, а это весьма далеко от истины. Тем не менее такая упрощенная точка зрения может приблизить нас к истине, ибо она свидетельствует о том, что единица языка есть нечто двойственное, образованное из соединения двух компонентов.

Рассматривая акт речи, мы уже выяснили... что обе стороны языкового знака психичны и связываются в нашем мозгу ассоциативной связью. Мы особенно подчеркиваем этот момент.

Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Этот последний является не материальным звучанием, вещь чисто физической, а психическим впечатком звука, представлением, получаемым нами о нем посредством наших органов чувств; акустический образ имеет чувственную природу, и если нам случается называть его “материальным”, то только по этой причине, а также для того, чтобы противопоставить его второму члену ассоциативной пары – понятию, в общем более абстрактному.

Психический характер наших акустических образов хорошо обнаруживается при наблюдении над нашей собственной речевой практикой. Не двигая ни губами, ни языком, мы можем говорить сами с собой или мысленно повторять стихотворный отрывок. Именно потому, что слова языка являются для нас акустическими образами, не следует говорить о “фонемах”, их составляющих. Этот термин, подразумевающий акт фонации, может относиться лишь к произносимому слову, к реализации внутреннего образа в речи. Говоря о *звуках* и *словах*, мы избежим этого недоразумения, если только будем помнить, что дело идет об акустическом образе.

Языковой знак есть, таким образом, двусторонняя психическая сущность...

Это определение ставит важный терминологический вопрос. Мы называем *знаком* соединение понятия и акустического образа, но в общепринятом употреблении этот термин обычно обозначает только акустический образ, например слово *arbor* и т. д. Забывают, что если *arbor* называется знаком, то лишь постольку, поскольку в него включено понятие “дерево”, так что чувственная сторона знака предполагает знак как целое.

Двусмысленность исчезнет, если называть все три наличных понятия именами, предполагающими друг друга, но вместе с тем взаимно противопоставленными. Мы предлагаем сохранить слово *знак* для обозначения целого и заменить термины *понятие* и *акустический образ* соответственно терминами *означаемое* и *означающее*; последние два термина имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними самими, так и между целым и частями этого целого. Что же касается термина “*знак*”, то мы довольствуемся им, не зная, чем его заменить, так как обиходный язык не предлагает никакого иного подходящего термина.

Языковой *знак*, как мы его определили, обладает двумя свойствами первостепенной важности. Указывая на них, мы тем самым формулируем основные принципы изучаемой нами области знания.

§ 2. Первый принцип: произвольность знака

Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: *языковой знак произволен*.

Так, понятие “сестра” не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков s-oe:-г, служащей во французском языке ее означающим; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различиями между языками и самим фактом существования различных языков: означаемое “бык” выражается означающим b-oe-f (франц. boeuf) по одну сторону языковой границы и означающим o-k-s (нем. Ochs) по другую сторону ее.

Заметим мимоходом: когда семиология сложится как наука, она должна будет поставить вопрос, относится ли к ее компетенции способы выражения, покоящиеся на знаках, в полной мере “естественных”, как, например, пантомима. Но даже если семиология включит их в число своих объектов, все же главным предметом ее рассмотрения останется совокупность систем, основанных на произвольности знака. В самом деле, всякий принятый в данном обществе способ выражения в основном покоится на коллективной привычке или, что то же, на соглашении. Знаки учтивости, например, часто характеризуемые некоторой “естественной”

выразительностью (вспомним о китайцах, приветствовавших своего императора девятикратным падением ниц), тем не менее фиксируются правилом; именно это правило, а не внутренняя значимость обязывает нас применять эти знаки. Следовательно, можно сказать, что знаки, целиком произвольные, лучше других реализуют идеал семиологического подхода; вот почему язык – самая сложная и самая распространенная из систем выражения – является вместе с тем и наиболее характерной из них; в этом смысле лингвистика может служить моделью (*patron général*) для всей семиологии в целом, хотя язык – только одна из многих семиологических систем.

Для обозначения языкового знака, или, точнее, того, что мы называем означающим, иногда пользуются словом *символ*. Но пользоваться им не вполне удобно именно в силу нашего первого принципа. Символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например колесницей.

Слово *произвольный* также требует пояснения. Оно не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно выбираться говорящим (как мы увидим ниже, человек не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый определенным языковым коллективом); мы хотим лишь сказать, что означающее *немотивировано*, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи...

§ 3. Второй принцип: линейный характер означающего

Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) *оно обладает протяженностью* и б) *эта протяженность имеет одно измерение* – это линия.

Об этом совершенно очевидном принципе сплошь и рядом не упоминают вовсе, по-видимому, именно потому, что считают его чересчур простым, между тем это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы. Он столь же важен, как и первый принцип. От него зависит весь механизм языка. В противоположность означающим, воспринимаемым зрительно (морские сигналы и т. п.), которые могут комбинироваться одновременно в нескольких измерениях, означающие, воспринимаемые на слух, располагают лишь линией времени; их элементы следуют один за другим, образуя цепь. Это их свойство обнаруживается воочию, как только мы переходим к изображению их на письме, заменяя последовательность их во времени пространственным рядом графических знаков.

В некоторых случаях это не столь очевидно. Если, например, я делаю ударение на некотором слоге, то может показаться, что я кумулирую в одной

точке различные значимые элементы. Но это иллюзия; слог и его ударение составляют лишь один акт фонации; внутри этого акта нет двойственности, но есть только различные противопоставления его со смежными элементами.

(Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 98-103.)

ТЕКСТ 2. А. МЕЙЕ. ВВЕДЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

2. Лингвистическая непрерывность

Рассматриваемый под углом зрения индивида, язык есть сложная система бессознательных ассоциаций между движениями органов речи и ощущениями, дающая ему возможность говорить и понимать слова других. Эта система составляет принадлежность каждого человека и не встречается в совершенно тождественном виде у прочих людей, но она имеет свою ценность лишь в той мере, в какой другие члены той социальной группы, к которой принадлежит данное лицо, располагают примерно схожими системами; в противном случае это лицо не было бы понято и не могло бы понять другого. Язык существует, следовательно, только в нервных (двигательных и чувственных) центрах каждого отдельного лица, но те же ассоциации навязаны всем членам группы с такой силой, какой не знает никакой иной социальной «институт». Каждый человек избегает всякого отклонения от нормального типа и относится очень чувствительно к малейшему отклонению, замечаемому им у других. Язык, будучи, с одной стороны, принадлежностью отдельных лиц, с другой стороны – навязывается им; благодаря этому он является реальностью не только физиологической и психической, но и прежде всего социальной.

Язык существует лишь постольку, поскольку есть общество, и человеческие общества не могли бы существовать без языка.

Система ассоциаций, каковой является язык, не передается непосредственно от одного лица к другому; язык, как когда-то было высказано, не вещь..., а деятельность... Каждый ребенок, научаясь говорить, должен сам создать себе систему ассоциаций между движениями и ощущениями, подобную той системе, которой обладают окружающие. Он не получает от них готовых приемов артикуляции; он научается артикулировать, как они, ощупью и после многолетних усилий. Он не получает готовыми грамматических парадигм; он создает каждую форму по образцу тех, которые употребляют другие вокруг него... Но, несмотря на напряженные и постоянные усилия, которые ребенок употребляет, чтобы приспособиться к воспроизведению того, что он слышит, ему при восстановлении всей системы ассоциаций не удается вполне точно воспроизвести язык членов той группы, к которой он принадлежит; некоторые детали произношения не улавливаются его слухом, некоторые особенности словоизменения ускользают от его внимания, и вообще

системы, которые он установит себе, не совпадают полностью с системами взрослых; каждый раз, как ребенок научается говорить, в язык вводятся новшества.

Если эти новшества являются индивидуальными случайностями, они исчезают вместе со смертью того лица, у которого они возникли; особенности говора, являющиеся результатом таких новшеств, вызывают насмешки, а не подражание. Но есть новшества, опирающиеся на общие причины и имеющие тенденцию проявляться у всех детей, которые учатся говорить в одной и той же местности в течение определенного промежутка времени.

Начиная с определенного момента, у всех детей, привыкающих говорить в какой-то части территории, может обнаружиться некая артикуляция, отличная от артикуляции взрослых и всецело ее вытесняющая. Так, например, в северной Франции, начиная с некоторого момента, различного для каждой местности, дети оказались неспособными произносить смягченное *l* и стали его заменять звуком *у*, который его ныне заменяет во французских говорах. Такого рода новшество является абсолютно регулярным; смягченное *l* исчезло на всем севере Франции и заменилось через *у*.

...Изменения подобного рода, с определенного момента будучи общими всем детям, переходят к младшим поколениям; они, следовательно, накапливаются и, смотря по скорости их распространения, изменяют язык через более или менее продолжительное время. В некоторых языках новшества в определенные моменты происходят быстро, тогда как в других случаях язык долгое время может сохраняться, вовсе почти не изменяясь.

Но во всех случаях налицо непрерывность: изменения, совершающиеся сами собой и не являющиеся результатом подражания чужеземному говору, происходят не от желания новизны; наоборот, они происходят, несмотря на усилия ребенка точно воспроизводить язык взрослых, и притом никогда не бывают ни настолько велики, ни настолько многочисленны чтобы поколения, живущие одновременно, теряли ощущение того, что они говорят на одном языке.

С другой стороны, употребление языка необходимо приводит к его изменению. С каждым разом, как употребляется какое-либо выражение, оно становится менее странным для слушателя, а для произносящего – еще более легким для нового воспроизведения. Таков нормальный результат привычки. Выразительное значение слов вследствие употребления ослабляется, их сила уменьшается, и они стремятся образовывать группы. Чтобы поддержать выразительную силу, в которой чувствуется надобность, приходится подновлять выражения; именно поэтому имеют тенденцию выходить из употребления слова, выражающие превосходную степень, как *очень*, *весьма*, *чрезвычайно* и т. п., по мере того как их первоначальная сила уменьшается. Слова, первоначально самостоятельные, путем употребления низводятся на степень грамматических элементов... Слова, которые таким путем становятся

простыми грамматическими элементами, привесками предложения, произносятся особенным образом. Часто укорачиваются и в своем фонетическом развитии отличаются от главных слов; так, латинское указательное местоимение *illam* в сочетании со следующим именем дает французский артикль *la*, тогда как развитие – совершенно иное – самостоятельной формы того же слова привело к французскому личному местоимению *elle* – она, которое в свою очередь сделалось грамматическим элементом.

Таков тип спонтанного развития языка. Оно результат естественной преемственности поколений, использования языка и тождества стремлений и склонностей, наблюдаемого у лиц данного ряда поколений в данный период времени. Хотя изменения этого типа происходят независимо в каждом из говоров данной области, следует ожидать, что они произойдут в различные, но близкие моменты времени с незначительными отклонениями во всех местах, занятых в общем однородным населением, говорящим на том же языке и живущим в одинаковых условиях. Так, смягченное *l* превратилось в *v* во всей северной Франции; двойственное число исчезло еще в доисторический период в эолийском диалекте, эонийском диалекте Малой Азии и в дорийском диалекте Крита, а в I в. до н. э. в аттическом, т. е. в говорах континентальной Греции. Условия таких изменений (часто неизвестные, почти всегда не поддающиеся точному определению), если только они не свойственны какой-либо одной местности, действуют на обширных территориях.

Наряду с этими изменениями, проявляющимися особым образом в каждом говоре, даже когда они и выходят за его пределы, существуют другие изменения. Весьма различные по внешнему виду, но сводящиеся в основе к одному и тому же явлению – к заимствованию из других языков. Действительно, лишь только члены одной социальной группы вступают в торговые, политические, религиозные или интеллектуальные сношения с членами других групп и лишь только некоторые лица приобретают знание чужого языка, тотчас является возможность введения в свой язык новых элементов.

...Каждая из крупных языковых групп (германская, славянская, эллинская и т. д.) является результатом распространения какого-либо общего языка на более или менее значительную массу населения. У нас нет возможности определить, какая часть фактов, изучаемых нами и относящихся к периоду доисторическому, падает на долю заимствования. Но мы никогда не вправе предполагать, чтобы какой-нибудь говор являлся результатом одной только передачи языка из поколения к поколению и изменений, происходящих вследствие употребления языка и его передачи. Всюду мы видим, как преобладающие говоры являются образцом для подражания и как люди стараются воспроизводить речь тех, кто, живя в другой местности или занимая более высокое социальное положение, признается говорящими лучше. Если бы не существовало этой заботы

воспроизводить господствующие говоры, то язык дифференцировался бы до бесконечности и не был бы в состоянии служить средством общения обширных групп людей.

Все существующие говоры происходят в действительности из ряда последовательных сближений и расхождений.

Наконец, третий тип изменений происходит тогда, когда население меняет язык.

Когда население перенимает язык победителей, иноземных колонистов или язык более цивилизованных людей, пользующийся особым престижем, взрослым представителям этого населения не удастся в точности усвоить новый язык. Дети, начинающие говорить, когда новый язык уже распространился, успевают лучше, ибо учатся ему как своему родному и стремятся воспроизводить не ломаную речь своих взрослых сородичей, но правильный говор иноземцев. Если только имеют возможность его слышать; и это им зачастую в достаточной мере удается. Так, ребенок, рожденный во Франции от француза и иностранки и воспитанный среди французских детей. Почти совсем не воспроизводит недостатков говора своей матери. Тем не менее кое-какие особенности речи сохраняются. Более того, если население перенимает язык, глубоко отличный от своего прежнего языка, оно может вовсе не усвоить некоторых его характерных черт. Негры-рабы, которые стали говорить по-французски или по-испански, не приобрели ни точного произношения, ни правильного употребления грамматических форм как вследствие слишком большого отличия их родного языка, так в особенности еще и потому, что, не видя избавления от своего безнадежно низкого социального положения, они не чувствовали надобности говорить так, как их господа: креольские нации сохранили черты африканских языков. Впрочем, в многочисленных сменах языков, которые происходили в исторические времена и происходят еще и теперь, многие народы выказали способность достаточно усваивать язык друг друга...

...Чтобы оценить важность факта смены языков, достаточно отметить, что во всех областях с более или менее древней историей язык сменялся в историческую эпоху по меньшей мере раз, а то и два и три раза. Так, на территорию современной Франции галльский язык проник лишь в первой половине последнего тысячелетия до хр. Э.; затем в течение первого тысячелетия хр. Э. он был сменен латинским языком. С другой стороны, языки изменяются тем в меньшей степени, чем устойчивее говорящее на них население; чрезвычайное единство полинезийских языков объясняется устойчивостью населения Полинезии; в одной из областей распространения индоевропейских языков, в Литве, где население, по-видимому, почти вовсе не сменялось в течение весьма долгого времени, язык отличается исключительной в некоторых отношениях архаичностью. Наоборот, язык иранцев, чьи завоевания охватили обширную территорию, изменился быстро и относительно рано; иранские говоры с самого начала христианской эры

достигли уровня, который можно сравнить с уровнем, достигнутым романскими языками лишь столетий десять спустя.

У каждого из индоевропейских языков свой собственный тип, произношение и морфология каждого из них характеризуются своими особыми чертами; едва ли можно предположить иные причины этого своеобразия, к тому же довольно глубокого, кроме тех особенностей, которыми характеризовались языки прежнего населения, сменившиеся индоевропейским. Это влияние языков, сменивших язык индоевропейским, называется действием субстрата. К несчастью, субстраты почти всюду нам неизвестны, так что приходится довольствоваться недоказуемыми гипотезами.

... Кроме того, не следует упускать из виду (и в большей степени, чем делали это раньше) такие периоды, когда одно и то же население пользуется одновременно двумя языками и когда, следовательно, в сознании одной и той же группы говорящих совмещаются два средства выражения, относящиеся к двум разным языкам; это так называемые периоды «двужычия». Люди, располагающие двумя различными средствами выражения зараз, порою вводят в один из двух языков, на котором они говорят, приемы, принадлежащие другому языку. Например, в латинском языке той части Галлии, где господствовали франки, утвердился по образцу германских языков прием выражения вопроса, состоящий в постановке подлежащего после глагола; и доныне мы имеем по-французски вопросительное *êtes-vous venus?* – «пришли ли вы??», противопоставленное утвердительному: *vous êtes venus* – «вы пришли». Таким образом, этот прием французского языка есть, собственно, прием германских языков, осуществляемый с помощью романских элементов.

(Звенинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964. – С. 419 – 426.)

ТЕКСТ 3. З. С. ХЭРРИС. МЕТОД В СТРУКТУРАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

(Раздел: «Методологические предпосылки»)

Вводные замечания. Прежде чем приступить к изложению процедуры анализа, мы должны установить, какого рода анализ возможен в дескриптивной лингвистике. Речь можно изучать как человеческое поведение, описывать физиологические процессы, происходящие при артикуляции, или культурную и общественную ситуацию, в которой осуществляется речь, звуковые волны, возникающие при речевой деятельности, или звуковые впечатления, получаемые слушателями. Но мы можем также стремиться определить регулярности при описании каждого из названных видов явлений. Такие регулярности могут состоять из корреляций между различными видами явлений (например, словарная корреляция между звуковой последовательностью и социальной ситуацией или значением) или

же они могут отмечать повторяемость «тождественных» частей в пределах каждого из вида явлений. Можно отмечать повторяемость смыкания губ в процессе чьей-либо речи или повторяемость различных комбинаций и последовательностей артикуляционных движений. Данные дескриптивной лингвистики возможно извлекать из отдельных указанных особенностей и проявлений поведения или из их совокупности посредством наблюдения артикуляционными движениями говорящего, анализируя возникающие звуковые волны, или же с помощью описания того, что слушающий (в данном случае лингвист) слышит. В первом случае мы будем иметь дело с видоизменениями воздушного потока в дыхательной деятельности говорящего; во втором случае – со сложными волновыми формами и в третьем – с покоящимися на восприятии отождествлениями последовательности звуков. Дескриптивная лингвистика занимается не одним определенным описанием указанных видов поведения, а явлениями, общими для них всех; но, например, повторяемость или изменения воздушных волн, на которые человеческое ухо не реагирует, не относятся к лингвистике.

Критерий относимости: порядок расположения (дистрибуция). Дескриптивная лингвистика (в терминологическом смысле) есть особая область исследования, имеющего дело не с речевой деятельностью в целом, но с регулярностями определенных признаков речи. Эти регулярности заключаются в дистрибуционных отношениях признаков исследуемой речи, т. е. повторяемости этих признаков относительно друг друга в пределах высказываний. Разумеется, возможно изучение различных отношений между частями или признаками речи, например тождества (или другие отношения) в звуках или в значениях или генетические отношения в истории языка. Главной целью исследования в дескриптивной лингвистике, а вместе с тем и единственное отношение, которое будет рассматриваться в настоящей работе, есть отношение порядка расположения (дистрибуция) или распределения (аранжировка) в процессе речи отдельных ее частей или признаков относительно друг друга.

Таким образом, настоящая работа ограничивается вопросами порядка расположения, т. е. изучает свободу повторяемости частей высказывания относительно друг друга. Все термины и определения следует соотносить с этим критерием. Например, если фонологическое выражение речи описывается тем или иным образом, это не значит, что в случае ассоциации конкретного звука X с фонемой Y мы должны ассоциировать фонему Y с первоначальным конкретным звуком X. Подобное прямое соответствие означает только то, что если конкретный звук X в данной позиции ассоциируется с фонемой Y (или передается символом Y), то, имея перед собой фонему Y, мы будем ассоциировать с ней в указанной позиции звуки X', X'', которые способны заместить первоначальное X (т. е. обладают таким же порядком расположения, как и X). В указанной позиции символ Y употребляется для любого звука способного заменить X, X' и т. д.

Единственной существенной предпосылкой для данной дисциплины является ограничение дистрибуции как критерия, с помощью которого устанавливается относимость явления к области исследования. Конкретные методы, описанные в этой книге, не являются исчерпывающими. Они предлагаются в качестве общей процедуры дистрибуционного анализа, применимого к лингвистическому материалу. Выбор определенной процедуры, используемой в настоящей работе для детального анализа, впрочем, обуславливается конкретным языком, откуда черпаются примеры. Анализ других языков, несомненно, потребует обсуждения и выработки дополнительных технических приемов. Даже и те методы, которые подробно обсуждаются в настоящей книге, могут потребовать многочисленных дополнений. Более того, все построение основной процедуры, изложенное ниже, может быть снабжено иной схемой операций, сохраняя при этом свою относимость к дескриптивной лингвистике. Это положение сохраняется до тех пор, пока новые операции имеют по преимуществу дело с дистрибуцией признаков речи относительно друг друга в пределах высказывания и пока такой подход сохраняется в ясности и строгости. Подобного рода иные схемы операций всегда можно сравнить с процедурой, изложенной здесь, и результаты первых всегда можно согласовать с результатами последней.

Схема процедуры. Вся схема описываемой ниже процедуры, начинающейся с сырого речевого материала и заканчивающейся определением грамматической структуры, покоится на двояком применении двух главных принципов: установления элементов и определения дистрибуции этих элементов относительно друг друга. Сначала устанавливаются дифференциальные фонологические элементы и исследуются отношения между ними. Затем определяются морфологические элементы и исследуются отношения между ними.

Между применением этих принципов к фонологии и к морфологии существует ряд различий. Они обуславливаются различием материала..., а также тем фактом, что когда операции повторяются применительно к морфологии, они осуществляются над материалом, сведенным уже к определенным элементам... Тем не менее две параллельные схемы в основном идентичны по своему типу и последовательности операций.

И в фонологическом и в морфологическом анализе лингвист первоначально имеет дело с установлением релевантных (различительных) элементов. Быть релевантным – это значит, что эти элементы должны быть установлены на основе порядка своего расположения (дистрибуционный базис): x и y включаются в тот же самый элемент A , если дистрибуция x , соотносительная с другими элементами B , C и т. д., является в известном смысле подобной дистрибуции y . Поскольку это предполагает, что другие элементы B , C и т. д. устанавливаются в то же время, когда происходит и определение A , то эта операция может быть осуществлена без привнесения той или иной произвольности только одновременно для всех элементов. В

этом случае все элементы определяются соотносительно друг с другом и на основе дистрибуционных отношений между ними...

В высшей степени важно, чтобы эти элементы определялись соотносительно с другими элементами и с учетом взаимоотношений между ними всеми. Лингвист не должен налагать на язык ту или иную абсолютную шкалу – например, устанавливать в качестве элементов наикратчайшие звуки, или наиболее частые звуки, или же звуки, обладающие определенными артикуляционными или акустическими характеристиками. Напротив того, как это будет показано ниже, ему следует устанавливать группу элементов (сравнивая каждый из них с другими) таким образом, чтобы иметь возможность наипростейшим образом ассоциировать любой отрезок речи с системой, составленной из ее элементов...

И в фонологическом и в морфологическом анализе лингвист исследует дистрибуционные отношения элементов. Эту задачу можно упростить, если проводить операцию последовательным порядком, в виде описанной здесь процедуры. В тех случаях, когда процедура представляется более сложной, чем обычный интуитивный метод (часто основывающийся на критерии значения) получения тех же результатов, применение более сложной процедуры оправдывается соображениями систематичности...

Таким образом, оказывается, что для параллельных анализа приводят к двум принципам дескриптивного определения, образующих фонологическую систему и морфологическую систему. Каждый принцип определения состоит из соотносительно определенных (или рассматриваемых как модели) элементов плюс систематизированная спецификация порядка расположения, в котором они встречаются. В настоящей книге дается ряд таких спецификаций, составленных посредством определения новой группы элементов из предшествующей на основе дистрибуционных отношений этих предшествующих элементов. Впрочем, для основ дескриптивного метода не существенно, каким образом выражаются определения. Вместо того чтобы определять новую группу элементов в терминах старой, так что дистрибуционные характеристики старых элементов включаются в определения новых, мы можем сохранять старые элементы и только перечислять дистрибуционные определения (элемент x встречается рядом с y только в окружении z). Важно только, чтобы определение элементов и установление отношений между ними основывалось на дистрибуции и было ясным, последовательным и удобным для пользования. Требования свыше перечисленных относятся уже к иным дескриптивным целям, которые и обуславливают характер их формулирования и другие качества...

Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1960. – С. 153 – 157.)